

живые индивидуальности, отделяющие их друг от друга, и, как единичные и неистинные, подчиняются истине самосознания, и которая наконец венчается взаимным признанием единичных субъектов во всеобщей сфере всеобщего разумного самосознания, т. е. такого, в котором один свободный и самостоятельный единичный субъект не ограничивается другим, противоположным ему, но продолжает, находит и сознает себя в нем.

Всеобщее самосознание есть положительное знание о себе одной единичной самости, одного единичного субъекта в другом, противоположном ему, – знание, которое возможно не иначе как через отрицание непосредственности или чувственности обоих.

Может быть, некоторые из преследователей философского знания найдут и здесь повод к привязке и станут утверждать в противоположность нами сказанному и основываясь на своем собственном опыте, так же, как и на опыте многих подобных им людей, что в человеке нет ни малейшей потребности к отрицанию своей непосредственной или чувственной единичности и к возвышению над ничтожностью окружающего его чувственного мира. Но во-первых, нам довольно указать на всемирную историю, на существование гражданских обществ, искусства, религии и науки, для того, чтоб доказать, что это стремление не только что не наша фантазия, но что без действительного осуществления его человек остался бы на степени животного; во-вторых же, это возражение нисколько не удивит нас, потому что, говоря о развитии человеческого духа, мы говорим о человеке вообще, а не об эмпирически существующих индивидах, из которых многие по недостатку и бедности природы своей могут не соответствовать всеобщему понятию и определению человека. Мы знаем, что существование конечного духа, как условленное внешностью и естественностью, подвержено бесконечным случайностям и зависит от большего или меньшего совершенства организаций. Многие рождаются уродами, идиотами, так что, несмотря на свой человеческий образ, они кажутся ближе к животному, чем к человеческому роду. Другие, без видимых недостатков, так бедны природою и наклонностями своими, что они не в силах ощутить противоречия своей бесконечной внутренности и своей конечности внешности и всегда будут предпочитать кусок бифштекса как нечто абсолютно действительное – мысли, которая для них всегда останется призраком. Если же в них и просвечивает иногда бесконечная сущность духа, то она в них не довольно сильна для того, чтобы вырвать их из тесной сферы естественной жизни, и, связанная с чувством бессилия, пробуждает в них иногда зависть, которая бывает часто поводом нехороших, неблагородных поступков. Может быть, и весьма вероятно, что большая часть из наших врагов философии находится под этой категорией и потому ответ на их возражения принадлежит более антропологической физиологии; мы же обратимся к своему предмету.

Мы видели, что самосознание, как в заключающее в чистых определениях своей сущности, всеобщего, в своих мыслях всю бесконечную истину и действительность объективного мира, уже не противоположно ему, а потому и не ограничено им и, как единство субъекта и объекта, есть бесконечная истина; но что в первом непосредственном пребывании своем, как непосредственно единичное самосознание, оно еще не соответствует своему понятию и есть единство субъекта и объекта, истина только в возможности, а не в действительности. Мы видели, что вследствие этого противоречия единичное самосознание отрицает свою непосредственность, так же, как и непосредственность чувственного мира и подобных ему единичных самостей, и становится всеобщим самосознанием. Рассмотрим теперь последнее.

Происшедши через взаимное самоотрицание непосредственно единичных субъективностей, оно есть всеобщий разумный субъект, в котором единичные субъекты, как отрешившиеся от своей непосредственности, не исчезают, сохраняются, но вместе и перестают быть друг от друга различными и составляют одно всеобщее, неразрывное единство. Всеобщий разумный субъект есть общая духовная почва, общая духовная и незримая отчизна всех непосредственно единичных субъективностей, отчизна, которая находится не вне их, так что для достижения ее они должны бы были выйти из себя и перестать быть самим собой, но заключается в них самих, как их истинная сущность, так что для достижения ее они должны только очиститься от ограниченности и эгоизма своей чувственной непосредственности, разделяющей их между собою и противопоставляющей их друг другу, и возвыситься во внутренность своей собственной сущности и истины, где нет ограниченной и эгоистической вражды, но безграничное, разумное и любовное взаимное признание, признание во всеобщей и нераздельно единой среде разумного самосознания, всеобщего субъекта.

«Борьба самосознаний, – говорит Розенкранц в своей «Психологии...», – имеет своим истинным